

3. Гирьятович, Е. Г. Формирование основ тактического мышления у баскетболисток 11–13 лет на этапе начальной специализации: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Е. Г. Гирьятович. – Омск, 2007. – 22 с.
4. Козин, В. В. Моделирование и алгоритмизация технико-тактической деятельности спортсменов на основе ситуационной декомпозиции / В. В. Козин, Г. С. Лалаков // Физическое воспитание студентов. Научный журнал. – Харьков, 2011. – № 3. – С. 53–56.
5. Козин, В. В. Теория и практика применения деятельностного подхода к подготовке спортсменов в игровых видах / В. В. Козин, А. А. Гераськин, А. В. Родионов // Омский научный вестник. – 2014. – № 1 (125). – С. 167–173.
6. Кугаевский, С. А. Деятельностно-ситуативный способ обучения баскетболистов 8–11 лет технико-тактическим действиям / С. А. Кугаевский, В. В. Козин // Омский научный вестник. – 2014. – № 4 (131). – С. 137–140.
7. Маслов, О. Р. Тактическая подготовка в командных игровых видах спорта – психологические подходы к формированию тактического мышления / О. Р. Маслов // Вестник ВГЛУ. – 2011. – № 7 (613). – С. 178–184.
8. Малиновский, С. В. Алгоритмизация учебно-тренировочного процесса в спорте / С. В. Малиновский // Теория и практика физической культуры. – 1976 – № 2. – С. 49–56.
9. Родионов, А. В. Психолого-педагогические методы повышения эффективности решения оперативных задач в спорте: автореф. дис. ... д-ра пед. наук / А. В. Родионов. – М., 1990. – 43 с.
10. Сивицкий, В. Г. Диагностика тактических умений спортсменов методом имитации типичных соревновательных ситуаций: автореф. дис. ... канд. пед. наук / В. Г. Сивицкий. – М., 1995. – 24 с.
11. Топышев, О. П. Педагогические аспекты совершенствования деятельности спортсменов в игровых видах спорта: автореф. дис. ... д-ра пед. наук / О. П. Топышев. – М., 1989. – 48 с.
12. Усков, В. А. Педагогическая технология программированной технико-тактической подготовки спортсменов в игровых видах спорта: автореф. дис. ... д-ра пед. наук / В. А. Усков. – М., 2004. – 54 с.
13. Чердынцева, Е. В. Дидактические условия алгоритмизации учебной деятельности младших школьников в процессе обучения: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Е. В. Чердынцева. – Омск, 2002. – 24 с.

СПОРТ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОИСК

Буйко Т.Н., д-р филос. наук, доцент,
Белорусский государственный университет физической культуры,
Республика Беларусь

Тема научно-исследовательской работы кафедры философии и истории «Физическая культура и спорт Беларуси в социально-политических процессах XX–XXI веков» разрабатывалась в 2016 году в форме теоретико-методологического поиска, который позволил концептуализировать ряд актуальных социально-политических проблем физической культуры и спорта в современном мире. Среди этих проблем мы выделяем следующие: физкультурно-спортивная деятельность как социальное явление и средство социализации личности, спорт как средство реализации политических проектов и идеологические функции спорта, физическая культура как основа сохранения и трансляции ценностей человеческой телесности и др. Разработка данной проблематики невозможна без обращения к современным программам (методологическим стратегиям), которые используются сегодня в исследовании спорта как социально-культурного явления.

Как отмечают некоторые специалисты, с методологической точки зрения, спорт в последние десятилетия находится в состоянии «парадигматической нестабильности» [1]. При этом данная «нестабильность» усматривается в наличии целого ряда теорий, которые принимаются в качестве методологических оснований современных исследований спорта и физической культуры в целом. Причина множественности подходов и программ – в определении объекта, которым могут выступать: человеческое тело и его характеристики, физическое состояние человека и воздействие на него, процесс физического развития и воспитания людей, занятия различными видами спортивной деятельности. Анализ материалов Европейской коллегии спортивной науки показывает, что на ежегодных конгрессах этой коллегии доминируют доклады по физиологии спорта, почетное 2-е место занимают доклады по биомеханике, социология спорта – 5-м месте, педагогика спорта – лишь на 10-м, а исто-

рия – на 19-м. Т. е. речь идет о превалировании биомедицинских исследований спорта, что, наверное, справедливо в отношении социального запроса относительно практических выводов и рекомендаций. Однако это не снимает актуальной задачи разработки теоретической концепции физической культуры и спорта, которая бы вписалась в общую теорию культуры и стала основой обоснования достойного места спорта в современном мире. На исследования такого рода – философско-культурологические – также имеется социальный заказ, обусловленный проявлениями антропологического кризиса.

По мнению многих специалистов, среди многочисленных глобальных проблем, порожденных техногенной цивилизацией и поставивших под угрозу само существование человечества, можно выделить проблему сохранения человека как биосоциальной структуры в условиях растущих и всесторонних процессов отчуждения. Эту глобальную проблему иногда обозначают как современный антропологический кризис. Впервые в истории человечества возникает реальная опасность разрушения той биогенетической основы, которая является предпосылкой индивидуального бытия человека и формирования его как личности, основы, с которой в процессе социализации соединяются разнообразные программы социального поведения и ценностные ориентации, хранящиеся и вырабатываемые в культуре.

Речь идет об угрозе существования человеческой телесности, которая является результатом миллионов лет биоэволюции и которую начинает активно деформировать современный техногенный мир. Вмешательство в человеческую телесность и особенно попытки целенаправленного изменения сферы эмоций и генетических оснований человека, даже при самом жестком контроле и слабых изменениях, могут привести к непредсказуемым последствиям. В этой связи, культивирование здорового человеческого тела, телесное, т. е. физическое, воспитание и физическая культура в целом обретают особую актуальность.

Постклассическая социальная философия в различных своих вариантах используется сегодня в качестве методологических стратегий (парадигм) в исследованиях спорта как социокультурного явления. При этом выделяются следующие стратегии (парадигмы) исследования, которые можно выстроить по принципу «от общего к частному» – от культуры к социуму, к личности и поведенческому организму, телу: культурная парадигма, социально-структурная парадигма, парадигма личностного осмысления, парадигма «органической платформы». Культурная парадигма призвана помочь в раскрытии доминирующих в спорте ценностей и их функций. Социально-структурная парадигма направляет исследователя на изучение социальных процессов в спорте (профессионализация, коммерциализацию, политизацию, глобализацию и др.). Парадигма личностного смысла актуализирует проблематику самореализации и самораскрытия человека в спортивно-физкультурной деятельности. Эта деятельность может осуществляться в очень разных вариантах в зависимости от личностных смыслов, среди которых: познание своего тела, фитнес, удовольствие, здоровье; движение, опыт, переживание природы; эстетика, придание формы, экспрессия движения; соревнование, переживание самооценности; риск, авантюра, напряжение; дружба, общество коммуникация. Последняя парадигма сформировалась в результате вовлечения в сферу философии в качестве объекта человеческого тела, которое является не только соматической структурой, обеспечивающей функционирование физиологических процессов, но и «социальным творением». Телесный этос связан с верой, идеологией, со всем канонам общественных ценностей [1].

Необходимо отметить, что в исследованиях спорта как социокультурного явления в соответствии с этими парадигмами сегодня обозначились две основные его дефиниции, последняя из которых отражает принципиальный сдвиг в самом понятии.

Первая дефиниция традиционно представляет физкультурно-спортивную деятельность как вспомогательное средство (инструмент) рекреации, досуга, поддержания здоровья, а также, в плане сверхзадач – воспитания личности, «сублимации» индивидуальных и коллективных агрессий в мирном соперничестве и т. д. Эта дефиниция безоговорочно принималась в советской спортивной науке и «сослужила добрую службу» в плане физического воспитания поколений советских людей и развития советского спорта. Как отмечалось в исследованиях тех лет, «Физическая культура и спорт являются важным фактором идеологического воспитания, средством общественной интеграции, рационального использования свободного времени. Они являются также областью мирного соревнования в духе дружбы между народами» [2]. В цитируемой работе основными функциями спорта, в соответствии с идеологическим вокабуляром тех лет, определяются: создание материально-технической базы

коммунизма (укрепление здоровья, повышение работоспособности, повышение эффективности производительного труда, продление творческого долголетия и т. д.); формирование коммунистических общественных отношений; воспитание нового человека [2]. Точно так же, инструменталистски, но с выделением иных функций физкультурно-спортивной деятельности, рассматривалась ее сущность и роль представителями противоположного идеологического лагеря – в «буржуазной философии». Так, в работах философского антрополога Г. Плесснера компенсаторная функция спорта рассматривается в 5 аспектах: как жизненно-моторная функция, направленная против физической недогрузки человека и деформирующего влияния современной работы; как функция, обогащающая психику, направленная против обеднения и монотонности рабочего процесса; как идентификационная функция, направленная против отсутствия идентификации личности при создании общественного продукта; как социально-интеграционная функция, направленная против бюрократизации, анонимности и интеллектуализации современной жизни; как функция, дающая выход подсознательным инстинктам, направленная против недостатка возможностей выражения агрессивности или удовлетворения звериных инстинктов при цивилизованном существовании. Интересно, что анализируя данный подход Г. Плесснера, автор цитируемой фундаментальной работы И.Н. Пономарев делает идеологически корректный для тех времен вывод о том, что «... все эти аспекты как нельзя лучше отражают существо общественной жизни буржуазных стран» [2].

Генезис спорта, согласно данной дефиниции, рассматривается как ответ на потребности, возникшие в совершенно иных сферах общественной жизни, что, в конечном счете, и приводит к инструменталистскому пониманию спорта. Согласно традиционной точке зрения по вопросу о возникновении спорта, сначала появились специальные виды физических упражнений, обособившиеся в систему физических подготовки и воспитания, а затем, на базе данных систем, возникли состязательно-игровые формы двигательной активности (спорт). Развиваемая в качестве «инновационного подхода» в рамках этой же дефиниции, другая модель возникновения спорта основана на переосмыслении последовательности возникновения различных граней физической культуры и: человечество выжило и стало безудержно развиваться, благодаря не только труду, объединению в сообщество и запрету на кровно родственные браки, но и в силу того, что оно нашло способ снимать внутренние конфликты между индивидами и группами благодаря спортивным состязаниям. Эти инструменталистские модели генезиса спорта имеют право на существование и далеко не исчерпали своего методологического потенциала, однако, на наш взгляд, не раскрывают подлинной роли спорта в становлении человека.

Вторая дефиниция спорта расширяет данное понятие: спорт – это особая форма активности человека, представляющая собой интегральное выражение культурных достижений человека – как общества, так и отдельной личности. В этом плане особое место занимает, обоснованная в рамках, последней из обозначенных выше, парадигмы «органической платформы» (телесности), концепция спорта как культуросозидания и человекотворчества. Введение тела как объекта в сферу философии и социально-гуманитарного познания и разработка понятия телесности позволяет увидеть эту принципиально важную особенность физкультурно-спортивной деятельности. В современном социогуманитарном научном познании дискурс тела, телесности и телесных практик приобрел чрезвычайную популярность, однако не занял пока своего достойного места как методологическая позиция в исследованиях физической культуры и спорта. Вместе с тем, понятие человеческой телесности, по мнению многих специалистов, может сыграть ключевую роль в синтезе естественнонаучного и гуманитарного знания в исследованиях человека и общества. Этот синтез, теоретически вполне обоснованный в философской антропологии и постмодернистской философии, встает как практическая проблема в культурологических, социологических и педагогических исследованиях физической культуры и спорта.

На фоне новой развертывающейся волны научно-технологического развития человечества, влекущей за собой вторжение в природу человека, проблема телесности человека приобрела новую актуальность. Новое видение человека, его сущности привносит проблему «постчеловеческого будущего». Она состоит в том, что развитие наномедицинских, молекулярно-биологических, геномных, нейронных, компьютерно-сетевых, информационно-медийных и других сверттехнологий в будущем сможет преобразовать человека в постчеловека, который стремится усовершенствовать себя, начиная с генного уровня. Таким образом, теоретические разработки понятия телесности оказались сегодня в эпицентре вековой дискуссии о «природе человека» и обрели практический, идеологический,

смысл: с одной стороны, старая философская антропология и биоэтика, с другой – трансгуманизм, иммортализм, концепция технологической сингулярности и др.

Констатируя актуальность понятия человеческой телесности в дискуссиях о будущем человечества, необходимо зафиксировать важность этого понятия в преодолении европейского дуализма тела и духа в настоящем, в частности, в методологии социогуманитарного научного познания. В понятии человеческой телесности соединилось множество смыслов: телесность – это и социокультурное тело человека; это и феноменальное тело, постоянно стремящееся к выходу за пределы природного бытия, экзистенциал; это и отражение потребностей тела в культуре и социальной действительности; в конце концов, это и способ вписывания человека в мир или, в терминологии конструктивизма, создание собственного мира. Все эти оттенки понятия телесности получили отражение в обширной философской литературе последних десятилетий, которая представляет различные философские направления – от экзистенциализма, до постструктурализма и радикального конструктивизма.

Постструктурализм и постмодернизм, радикальным образом завершив дерационализацию человека, обратили внимание исследователей на обусловленность его разума и познания телесными реалиями человеческого бытия. При этом поиски оснований познания, которые осуществлялись в «феноменологии тела», концепции аутопоэзиса и радикального конструктивизма, фокусировались вокруг идеи индивида как обладающего телесностью и свободой выбора существа, способность познания которого неразрывно связана с его природной организацией и индивидуальной жизнью. Обладая непосредственным, неотчуждаемым от тела знанием-бытием, которое обеспечивается именно телесным контактом с миром (восприятие – у М. Мерло-Понти [3]), индивид способен осуществлять аутопоэзис – самосозидание собственной жизни.

Накопление «опыта бытия телом», смыслов, закрепленных в социокультурных знаках, приводит к закреплению устойчивых смысловых конструкций, конструированию социокультурной реальности, которая, в свою очередь, определяет взаимодействие индивида с миром на уровне первичных телесных практик. Понятие габитуса у П. Бурдьё как истории, ставшей природой, как присутствия социокультурного опыта в индивидуальном бытии, который воспринимается как свой собственный опыт, сумма индивидуальных телесных навыков, отражает это обратное движение. Каждый индивид не начинает свое взаимодействие с миром «с нуля» – он начинает с раскодирования культуры, понимания смыслов на уровне телесных практик (понять – значит принять телом смысл знака, созданного Другим). При этом созданные предшествующими поколениями смыслы созданы на основе телесных практик по вписыванию человеческого мира в мир объективной реальности. Кстати, раскодировка необязательна: социокультурные смыслы уже вписаны в тело и проявляются в манере, стиле, привычке говорить, держаться, двигаться, подчиняясь определенным инкорпорированным (in corp – в прямом смысле – в тело) требованиям. Габитус, таким образом, – это воспроизводство социальных (внешних) структур под видом внутренних структур личности на основе телесных практик: инкорпорированные ценности – это ценности, ставшие телом. Вводя понятие габитуса П. Бурдьё стремился снять традиционное противопоставление социальной структуры и личностных практик индивида [4].

Однако для нас, с точки зрения обозначенной проблемы, гораздо важнее, что понятие телесности в постмодернистской философии разрабатывается не столько как выражение социокультурного преобразования человеческого тела в процессе антропогенеза и истории, сколько для отражения детерминирующей роли тела в формировании разумной (шире – духовной) составляющей человеческого индивидуального бытия и социокультурной действительности в целом. Радикальным выражением этой линии в разработке понятия телесности является концепция П. Слотердайка, который рассматривает человека через призму его телесности, идя «до конца»: опираясь на хайдеггеровскую критику человека как *animal rationale*, он развивает концепт телесности в критике идей Ж. Лакана, упрекая последнего в метафизичности. В частности П. Слотердаик, характеризуя состояние новорожденного как утерю Другого (материнской плаценты), утверждает, что «современный одинокий субъект есть не результат собственного выбора, а продукт не зависящего от него разделения новорожденного и последа» [5]. Не останавливаясь на критическом осмыслении указанной концепции, подчеркнем методологическую значимость данного подхода, позволяющего соединить, казалось бы, несоединимое – экзистенциализм и структурализм как разные исследовательские программы в социогуманитарном научном познании.

Для спортивной педагогики данная методологическая позиция имеет особую значимость, поскольку утверждает принципиальное единство разума и тела, нерасчлененность субъекта и объекта в экзистенциальном бытии человека, понимание тела как условия и необходимой составляющей этого бытия, а телесности как экзистенциала. Человеческая телесность исходит из своих биологических реалий, но не является гарантом присутствия человеческого в человеке. Она становится подлинно человеческой лишь в условиях успешной попытки выхода за пределы биологического телесного опыта. С такой точки зрения спортивная деятельность предстает в совершенно иной ипостаси – как реализация человекоосозидающей функции культуры.

Рассматриваемый со стороны объективного содержания спортивной деятельности, спорт выступает как разновидность (область или часть) физической культуры и культуры в целом. А это означает, что, несмотря на автономию своего существования и развития, спорт «разомкнут» на культуру как целостное и системное образование, сориентирован на нее и созвучен ее ценностям и целям – посредством спорта реализуется тот потенциал культуры, который делает ее процессом человекотворчества. Определение предельных возможностей, которыми обладает человеческая телесность, является частью этого процесса.

Признание телесных практик как основания культуры ведет к признанию спорта в качестве «экспериментальной площадки» по расширению самого биологического, телесного, базиса культуры. Более того, как уже было отмечено, понимание телесности как экзистенциала, позволяющего человеку рассматривать самого себя как единое с миром целое, неделимое на субъект и объект, и, в то же время, показывая человеку его неполноту и незавершенность, объясняет стремление человека выйти за свои пределы в сфере телесных практик. Потребность же выйти на уровень реализации своих предельных возможностей, стремление реализовать свое предназначение быть субъектом свободного творчества, совершить акт самореализации и самоутверждения, да и самодвижение к ним, являются моментами процесса человекотворчества. «Именно поэтому победа в соревновании, которая осознается как выход и на границы собственных возможностей, и на тот уровень реализации человеческого потенциала вообще, на который не смог подняться никто иной, переживается очень остро и эмоционально. Она осмысливается как акт самопознания, самораскрытия себя. Происходит рождение нового «Я» индивида, связанного с самосознанием им себя как более совершенного существа» [6].

Экзистенциальный характер человеческой телесности, зафиксированный в рамках парадигмы «органической платформы», не может не учитываться в спортивной педагогике. Телесность как результат синтеза биологического и культурного бытия человека должно стать основным понятием спортивного педагога – а не понятие «тело». Физическая культура как совокупность программ, направленных на поддержание (традиция) человеческой телесности, и спорт как ее развитие (новация) в данном контексте выступают гарантами сохранения человека в условиях его противостояния сверхтехнологиям и «постчеловеку». Однако для исследования спорта (физкультурно-спортивной деятельности и соответствующего социального института) как социокультурного феномена необходимо использование всего комплекса методологических стратегий, которые по-прежнему остаются актуальными и не исчерпали своего потенциала.

1. Ласкене, С. Возможности анализа спорта как социального феномена / С. Ласкене, В. Чингене // Социологические исследования. – 2007. – № 11. – С. 117–125.
2. Пономарев, Н. И. Социальные функции физической культуры и спорта / Н. И. Пономарев. – М., 1974.
3. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти; пер. с фр. под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. – М.: – СПб., 1999.
4. Бурдые, П. Практический смысл: пер. с фр. / П. Бурдые; общ. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. – СПб., М., 2001.
5. Слотердаик, П. Микросферология: в 3 т. / П. Слотердаик. – Т. 1.: Пузыри. – СПб., 2005.
6. Барабанова, В. Б. Человек в контексте современного спорта / В. Б. Барабанова // Фундаментальные исследования / Российская академия естествознания. – 2009. – № 2. – С. 21–24.